

УДК 316.46

А. Д. Шоркин

УСЛОВИЯ ДИАЛОГА ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Демонстрация наличия открытого диалога представителей власти с широкой общественностью является в современном мире одной из приоритетных задач любого находящегося у власти политика. Лучшие сюжеты и кадры рекламных кампаний имиджмейкеры выстраивают именно на этой основе, – когда политик «из народа» и «вместе с народом». В рекламу такой показной открытости власти для народа политик непременно включает демонстрацию своей постоянной готовности к диалогу: «общению с народом» не могут помешать даже многочисленные дела государственной важности. Типичный ход политической оппозиции состоит в ссылке на интриги властей и ангажированные ими средства массовой информации, затрудняющие и ухудшающие возможности диалога. Иначе, без него, рассчитывать на поддержку на выборах не стоит. Люди хотят быть услышанными и «поговорить по душам», у них есть вопросы, на которые они хотят получить ответы – они хотят именно диалога. Игнорировать политику это стремление – значит безнадежно провалить собственную легитимность. Кроме этого вполне резонного политического расчета, в ряде случаев представитель власти действительно, как всякий человек, нуждается в диалоге, открыт для диалога и даже его инициирует.

И все же главным и реальным моментом в политике остается демонстрация наличия диалога (но не само наличие), демонстрация готовности к нему (но не действительная готовность). Дело в том, что возможность диалога общества и власти во все не безусловна. Его наличие небеспредпосылочно. Чтобы диалог вообще имел место, необходимо осуществление определенных коммуникативных условий.

Диалог как форма коммуникации

Огромное множество эффективных коммуникативных актов в обществе осуществляется, как это ни странно на первый взгляд, в режимах полнейшего отсутствия диалога. Таких базовых способов коммуникации два – информирование и диспетчеризация. Коммуникация, как *информирование*, направлена на получение информации от донора, *диспетчерская* же функция коммуникации состоит в воздействии на реципиента с целью изменения его поведения.

Когда человек хочет что-либо узнать (выведать, разведать), понять и прояснить для себя, он относится к другим людям как к информаторам. И ребенок, и шпион, и старушка у подъезда, и студент перед экзаменом, и игрок на ипподроме – все знают

меньше, чем им хотелось бы. Они желают получить информацию и выстраивают свое общение и поведение так, чтобы этого добиться. Точно так же, как налоговый инспектор или президент.

Без коммуникации как информирования вообще невозможны ни социализация человека, ни его жизнь, ни развитие, ни существование общества и культуры. Нет информирования – и традиции образования и воспитания окажутся прерванными, младенец никогда не станет человеческой личностью, технологии производства и рынка без смены поколений перестанут работать, общественные связи будут катастрофически разрушены.

В дополнение к информативной стратегии людьми осуществляется также противоположная, диспетчерская: один человек вступает в коммуникацию с другим для того, чтобы им управлять, манипулировать. Именно для этого он и передает другому информацию. Или ... дезинформацию – здесь главное отнюдь не искренность, честность или истина, а нужное воздействие на поведение. Здесь главное – не полнота или точность информации, а намерение увлечь, обязать, заставить.

В единичности манипулирования есть свой прагматический резон: солдату нужен именно приказ. Исчерпывающее информирование и диалог в боевых условиях попросту абсурдны. Уровни управления всегда отличны мерой полноты информации, сопряжены с «рычагами» манипулирования, предусматривают возможности поощрения и наказания. Ребенок не станет взрослым, если родители не будут ему что-то запрещать, а что-то разрешать. Так мы оберегаем детей, вводим их в пространство социальных и культурных норм, в которых находимся сами. Быть в социально-культурном мире – значит находиться в пространстве предписанного и разрешенного, ограниченного запретами.

Здесь, в нормативной сфере, коммуникация с целью воздействия осуществляется в двух главных формах – прямого управления и мотивационного манипулирования. Прямое управление осуществляется посредством приказов, распоряжений, директив, показательных примеров и иных предписаний. Суть мотивационного манипулирования заключается в стимулировании нужного поведения ясными моральными или материальными условиями поощрения и прямолинейными угрозами, а также более скрытыми апелляциями к интересам и слабостям реципиента посредством интриги и игр на поле неявного шантажа и посул.

Диспетчерские коды, естественно, поэтому весьма разнообразны: «Вам надлежит...», «нам дано предписание...», «делай, как тебе сказано!», «слушай мою команду!», «посмотри, как нужно это делать», «если не съешь, не пойдешь гулять», «как тебе не стыдно...», «видишь, в чем мне приходится ходить?» – и многие им подобные. Но во всех без исключения случаях они преследуют четкую цель прагматического воздействия на другого.

Как правило, коммуникация людей сводится к тому, что они (а) обмениваются информацией и (б) пытаются манипулировать друг другом. Сплетения, конфигурации этих двух стандартных форм коммуникации вездесущи и эффективны. Они почти исчерпывают реальное коммуникативное пространство. Сказать, что разговоры людей являются «диалогами» – значит просто следовать традиции словоупотребления и выдавать желаемое за действительное. Верно, что диалог невозможен

без информирования и в случаях конструктивности воздействует на его участников. Но он отнюдь не сводится к комбинированию и сочетанию стандартных форм коммуникации, к осуществлению ее информативной и диспетчерской функций!

Прежде всего, в структуре коммуникации целесообразно отличать собственно информацию от сообщения. Сообщение еще нужно расшифровать, чтобы выделить из него информацию. Например, когда при вашем появлении люди прерывают беседу, это может означать, что они не хотят, чтобы вы знали, о чем шла речь, или может быть знаком уважения и внимания. Когда с человеком начинают разговаривать о погоде, он может решить, что его благожелательно и вежливо стремятся вовлечь в круг общения или считают недотепой, с которым больше не о чем разговаривать. Никлас Луман называет подобные процессы выделения информации из сообщения «пониманием» и включает его третьим элементом структуры коммуникации. Иными словами, важно не только то, *что* говорится, а *зачем* нам это говорят, чего от нас хотят или как к нам относятся.

Акт выделения информации из сообщения и есть, таким образом, исходная точка процесса расщепления коммуникации, разграничения ее информативной и диспетчерской функций. И если этот процесс не будет остановлен и изменен, то вместе с ним, с конституированием стандартных форм коммуникации исчезают возможности существования диалога. Диалог не терпит иносказаний и намеков, никакого «двойного дна». Его участники ориентированы на прямоту и «голую правду», на *информационную прозрачность сообщения*. Вежливость и уважение друг к другу демонстрируются участниками диалога не через привычную недосказанность, а посредством минимизации зазора между сообщением и информацией.

Стандартные, замечательно эффективные и нужные формы коммуникации также сопряжены с типичным феноменом сокрытия, маскировки личностей коммуникантов. Шпион хорош, если никто не знает, что он шпион. Офицер обретает право приказывать по своему чину, званию – мундир и форма уже достаточны. Мама и папа, президент и директор, профессор и гуру авторитетны уже по факту именованию этих социокультурных функционирующих масок. Они вправе получать информацию, управлять и требовать, поощрять и наказывать. Для осуществления стандартных форм коммуникации наличие масок оказывается необходимым и достаточным. Я назвал бы этот факт феноменом *«коммуникативного инкогнито»*.

Дети и неискушенные взрослые иногда вообще не проводят различий между масками и реальными людьми. Для всякого ребенка открытие этого несоответствия неприятно и иногда шокирующе. Зачастую его просто выгодно или удобно не замечать. Именно в масках, начинающихся с одежды, косметики, манер и иного провоцируемого нами и окружающего нас антуража, мы и вступаем в коммуникации. Это не хорошо и не плохо – такова нормальная природа социализации и инкультурации. Но в стандартах информирования и манипулирования люди за своими масками остаются инкогнито.

В диалоге же оставаться инкогнито невозможно: в нем не происходит исчерпывающего разоблачения и снятия всех масок (что также невозможно, да и не нужно), но осуществляется систематическая рефлексия над масками, которая разворачивает пространство между людьми и их масками, где, собственно, диалог и происходит.

Повзрослевший ребенок стремится к диалогу с матерью, который размещается за маской «моя самая лучшая мама», где она также – и оставленная мужем женщина, и скучноватая, хотя и честная «училка», и немножко капризная или болезненная дама. Гражданский диалог с президентом происходит с учетом должностной его маски, но за ней: там президент – несостоявшийся или состоявшийся ученый, крупный бизнесмен, человек с прошлым и будущим, с семьей и личными привязанностями.

Последней из главных особенностей диалога, существенно и заметно отличающей его от стандартных форм коммуникации, является открытость его тематик. Коммуникация как информирование всегда по возможности канонизирована, в противном случае возникают ненужные, как говорят в кибернетике, «шумы» или «помехи», которые важно отсеять. Так же ограничен и очерчен диапазон манипуляций, управленческих решений, поощрений и наказаний. В стандартных формах коммуникации мы ограничены частотой запрещенных вопросов, которые реципиенты воспринимают и квалифицируют как нерелевантные, некорректные или провокационные. Конечно, и в диалоге отторгаются некоторые вопросы как бессмысленные, но в той мере, насколько он состоялся, его участники ни один из вопросов своих оппонентов не могут квалифицировать как провокационный. Есть уместные темы, но нет запретных, можно (хотя обычно и не нужно) говорить обо всем. Поле диалога непрерывно, пространство стандартных коммуникаций фрактально. Иными словами, диалог по своей сути *открыт, трансграничен*.

Насколько отмеченные особенности диалога – информационная прозрачность сообщений, преодоление информационного инкогнито и открытость – присущи настоящим коммуникациям общества и власти?

Препятствия диалога общества и власти

Современное общество формирует собственную власть для осуществления ею функций управления и защиты. Для чего и наделяет ее необходимыми полномочиями и ресурсами. Исполняя свое предназначение, власть непременно формируется как некоторая иерархия, ибо любые системы управления и защиты неизбежно состоят из подчиняющих и подчиняющихся уровней, – иначе они просто не могут функционировать. Иерархичность власти – издавна очевидная банальность. Но только во второй половине XX века стало понятно, как она воздействует на психику людей, вовлеченных в систему власти.

Чтобы «надзирать и наказывать» (М. Фуко), нужно быть «над», «сверху». Не только устройство власти, но и весь мир начинает мыслиться и переживаться в виде иерархий. Мир устроен по принципу курятника: чем выше, тем лучше – чище и теплей. Любая коммуникация начинается с констатации соотношения уровней коммуникантов: «кто выше?», «кто под кем?». Я как представитель власти или подчиняю Другого, или сам ему подчиняюсь – иного не дано. Такой способ установления исходных диспозиций коммуникации является, как особенно убедительно показал Э. Фромм, главным признаком садомазохистского характера психики личности.

В психоаналитических штудиях детально и аргументированно рассказывается о том, как укоренены черты садомазохизма в симбиотической слитности ребенка и

матери, начиная еще с периода утробного развития, и как преодолевается законченный эгоцентризм трехлетнего ребенка (который считает себя центром мира) в периоды его дальнейшего развития. Задача превосхождения садомазохистских истоков психики – это и есть путь к себе, к «самости», к раскрытию своих способностей, к полноте бытия самоосуществленной личности. Пребывание во власти оказывается помехой на этом самом важном для каждого человека пути. Психологи констатируют в качестве тривиального сегодня результата заметную акцентуацию садомазохистских черт психики прошлых и нынешних политиков. За вхождение во власть люди обычно платят слишком дорого – собой.

Для власти, таким образом, диалог как форма коммуникации в основном избыточен: как объективно, – ибо власть и должна манипулировать, приказывать, наказывать и поощрять, так и субъективно, – ибо для диалога абсурдна сама попытка исходной констатации значимости (высоты) уровней коммуникантов. Диалогу, как видим, существенно препятствуют и сама природа власти, и личностные особенности людей, находящихся во власти или стремящихся к ней. Почему же он все-таки иногда оказывается возможным?

Отметим здесь три фактора. Первый состоит в том, что в устройстве власти наряду с ее подчиняющими уровнями есть также соподчиняющие, а наряду с подчиненными – соподчиненные. И те, и другие в своих плоскостях соподчинения и соподчиненности изъяты из привычных иерархических зависимостей. Конечно, садомазохистские привычки во многом берут верх, и, например, декларируемая независимость ветвей власти (соподчиняющих) то и дело копируется. Но ветви власти уже не могут прямо и открыто манипулировать друг другом, их успешная координация требует именно диалога. Строение современной власти не обрекает ее на невозможность диалога.

Не обречены мы, во-вторых, довольствоваться стандартными формами коммуникации с властью и вследствие преобладания там субъективных садомазохистских ориентаций: ее система не всегда успевает «подмять» зрелых, продвинутых по пути к самости людей. Власть нельзя давать надолго (тем более навсегда), как нельзя допускать к ней и тех, для кого власть – самоцель. Какие-то ограничения и фильтры в этом отношении существуют и действуют. В итоге не все, кто у власти, неспособны к диалогу.

Третий из факторов осуществимости диалога с властью, в отличие от первых двух, имеет внешний по отношению к ней исток. Он состоит в активной позиции общества, которое, принимая стандартные формы коммуникации с властью, все же ими не довольствуется и *принуждает* власть к диалогу с собой. Огромное множество обществ об этом и не помышляло. Власть оставалась неукротенным, диким «зверем», преследующим собственные цели, а вовсе не те, которые приоритетны для общества. Сначала нужно стать не только подданным, но и равным власти, суметь соединить законопослушание и подчинение властям с институтами осознанной зависимости власти от общества и так открыть возможности диалога. Сделать это трудно, и то общество, которое способно этого достигнуть, только и может именоваться «гражданским». Какие-то зачатки гражданского общества в Украине складываются, но и легитимность власти для нашего общества, и институты зависимости

власти от него катастрофически (как для осуществления диалога, так и для будущего страны) не развиты.

Среди нынешних препятствий диалога общества с властью остается также инкогнито его участников, причем обеих сторон.

Как показывают многочисленные исследования (Е. Ханкис, М. Афанасьев, И. Куколев и многие другие), реальная власть в странах постсоветского пространства во многом (а иногда в основном) сосредоточена в руках промышленно-финансовых групп – «клиентел». Публичные политики, естественно, с ними сотрудничают, а часто и входят в них. Сами же клиентелы отнюдь не публичны, находятся «в тени», что долго оставалось ключевым (хотя, конечно, не единственным) условием их существования. Множество журналистов, покушающихся на тайны бизнеса и персоналий клиентел, были устранены – организационно или физически. И когда какой-то политик входит в коммуникацию с обществом, остается совершенно неясным, насколько он представляет самого себя, а насколько – анонимные клиентелы.

Другой стороной коммуникации чаще всего выступают политические партии, которые и призваны выражать общественное мнение. Их у нас больше сотни. Казалось бы, это является позитивным фактом, свидетельствующим о развитии демократии. Но разве, кроме специалистов-политологов, огромное множество из них кто-нибудь в состоянии различить или даже запомнить? Вместо внятной конкуренции идеологий и обозримого соперничества программ обществу предложена полная сумятица и неразбериха, непосильная и бессмысленная головоломка.

Бессмысленная оттого, что подавляющее большинство наших «партий» в строгом смысле этого слова партиями вообще не являются. Их лидеры зачастую заняты бизнесом, альтернативным тем принципам, которые декларируются партийными документами, или входят в клиентелы, преследующие противоречащие программным цели. Сами же партии малочисленны, вплоть до «диванных». В таких квази-партиях люди фактически объединяются отнюдь не идеологическими принципами, а выстраиваются вокруг отдельных материально обеспеченных личностей. Их реальный источник финансирования – не членские взносы, а анонимные клиентелы, которые инициируют и содержат такие «партии», нужные для политической устойчивости бизнеса и его развития. Их сторонники зачастую движимы собственным, а не общественным интересом. Они нужны не обществу, а для политического прикрытия и достижения личных целей.

Когда представители таких партий вступают в коммуникацию с властью, торжествует фантом коммуникативного инкогнито: собственно, кто с кем и о чем договаривается? Делаемые сообщения для публики совершенно лишены желательной и ожидаемой информационной прозрачности. Все подозревают не без оснований, что самое важное в переговорах осталось засекреченным. Все вынуждены читать между строк, ловить намеки и слухи. Остается не проясненным и сомнительным, могут ли вообще эти люди претендовать, что они представляют именно народ и публичную власть, а не частные интересы и клиентелы. Какой уж здесь диалог, это даже вряд ли является информационным договором, – скорее просто сговором.

Насколько, наконец, пространство коммуникации общества и власти в настоя-

ших условиях удовлетворяет диалоговому критерию открытости тематики? Многие ключевые для развития страны и общества темы из него фактически исключены. Среди них – важнейшая тема реальных результатов и перспектив приватизации, вопросы федерализма и регионального самоуправления, состояния силовых структур и геополитической перспективы страны, проблемы жизненного уровня населения и демографии. У действующих или претендующих на власть политиков, к примеру, не принято спрашивать, сколько у них денег и откуда они взялись – все равно ведь трудно надеяться на достоверный, который можно проверить, ответ. Что-то вообще запрещено, что-то обходится по умолчанию – так или иначе коммуникативное пространство остается разорванным, фрактальным.

* * *

Можем ли мы в итоге констатировать наличие и плодотворность диалога общества и власти в нашей стране? Как показывает анализ, даже исходная возможность диалога требует выполнения определенных условий, которые, увы, в настоящее время еще не сложились. В основном мы обходимся до-диалоговыми, стандартными формами коммуникации, то и дело его имитируем, но редко когда осуществляем на самом деле. Препятствия диалогу остаются существенными, однако не непреодолимыми. Перманентный и эффективный диалог общества и власти конституируется вместе с развитием демократии, является замечательным детищем гражданского общества, к которому Украина пока делает первые робкие шаги.

Поступило в редакцию 21 июля 2004 г.